

Окна детской комнаты выходили на старую аллею. Нельзя было сказать, будто муниципальные службы откровенно игнорировали окраину города: на самое необходимое, вроде ремонта дорог, деньги выделялись исправно. Но вот аллея, такая зеленая и уютная днем, по ночам превращалась в тонущую во мраке чащу неухоженных, разросшихся сверх всякой меры деревьев, освещенную от силы тремя-четырьмя фонарями. Их тусклого света хватало только на то, чтобы отбрасывать на потолок детской отвратительные тени: они будто бы кишели своей собственной, мерзкой жизнью, напоминая потревоженное гнездо ухверток под гнилой корой мертвого дерева. Несмотря на жару, Нина укрылась одеялом по самый подбородок, и размышляла о том, каким образом столь безобидные вещи как листья и ветер, могут создавать такие гадкие рисунки на потолочной побелке.

В шкафу что-то скрипнуло. Будто бы кот, забравшийся туда еще днем, и безмятежно проспавший десять часов, вспомнил о своем молоке, и потянулся, поскребывая когтями по дереву.

Только вот у Нины не было никакого кота.

Затаив дыхание, девочка вслушивалась в воцарившуюся тишину. Тиканье часов со смешной, желтой собакой из популярного мультфильма, некоторое время безраздельно заполняло собой комнату. Нина почти убедила себя в том, что ей просто показалось — когда из шкафа донеслись шуршащие звуки, и что-то мягко стукнулось о дверцу, заставив ее сухо заскрипеть. Понимая, что действовать нужно быстро, Нина отбросила одеяло в сторону, свесилась с кровати, и потянулась к выключателю. Секунды потянулись вечностью, выключатель никак не желал попадаться в детские ладони, в шкафу что-то зашевелилось, дверца снова заскрипела... и все разом стихло, как только ночная лампа залила комнату мягким желтым сиянием. Облегченно вздохнув, девочка уселась на постели.

Теперь, со включенной лампой, прошлые страхи казались ей самой смехотворно жалкими и нелепыми. Спустив босые ноги на ковер, Нина направилась к шкафу, на всякий случай прихватив с собой тряпичную куклу-фею, свою защитницу. За дверцей не оказалось ничего страшного. На дне шкафа валялся источник шорохов: пакет с пластиковыми ручками, ненадежно лежавший на верхней полке, и свалившийся оттуда в самое неподходящее время. В окне тоже не было ничего страшного — только темная листва безобидно шелестела на ветру, да ночные бабочки водили свой вечный хоровод вокруг фонаря. Для того, чтобы исключить любые подозрения, Нина опустилась на корточки — и, приподняв свисавшую с постели простыню, оказалась лицом к лицу со старым и мерзким букой, который тихо сидел под кроватью с того момента, как зажегся ночник. Ослабившись, бука бросился вперед, и зажал девочке рот прежде, чем комната успела наполниться ее визгом.

— Ну вот ты и...

Не успев договорить, бука зашипел и отскочил от Нины, схватившись за дымящееся ухо. Девочка вжалась в угол, выставив перед собой куклу-фею.

— Я обожаю детей за то, что они тупые, — сообщило чудовище, потирая обгоревшую кожу. — Вы вечно прячетесь под одеялом, включаете свет, размахиваете своими игрушками, и зовете маму — как будто это убережет вас. Рано или поздно...

— Мама!

Бука не обратил на крик ребенка никакого внимания, явно готовясь к прыжку. Его голова при этом оставалась совершенно неподвижной, что придавало ему сходство со змеей, или какой-то мерзкой пародией на птицу.

— ... рано или поздно, ты все равно будешь нашей, — продолжал он. — Если уж быть точным, то ты будешь нашим обедом. И никакая мама тебе не...

— Нина, уже одиннадцатый час.

Голос раздался из-за самой двери. Мать Нины оказалась куда ближе, чем рассчитывал бука, который в панике бросился к шкафу... и растянулся на ковре: Нина обеими руками вцепилась в облезлый хвост буки, явно намереваясь не дать тому уйти в свое царство. Бука быстро извернулся, клацнул зубами, заставляя девочку в страхе отпрянуть назад — но время было безвозвратно потеряно. Перевернув корзину с игрушками, бука стремительным рывком скрылся под ней в тот самый момент, когда мать девочки вошла в детскую.

— Прекращай баловство, и ложись спать.

Тон Анны не подразумевал пререкания. Однако Нина, быстро ретировавшаяся поближе к входной двери, коротко мотнула головой, указывая на корзинку.

— Там бука!

Устало покачав головой, Анна направилась к корзине. Восемь часов на работе, два часа на игровой площадке, сорок минут наедине с кастрюлями, и вечерняя пробежка — все это выжало молодую мать как лимон. Этим знойным вечером, ей хотелось только одного: сонного забытья в собственной постели.

— Не выдумывай глупости, ты же сама себя пугаешь. Никакого... ой!

Бука, свернувшийся под корзиной в три погибели, успел было оскалить зубы — но тут же отлетел к окну. Анна пнула его не задумываясь, подчиняясь слепому инстинктивному отвращению, и потому удар вышел не слишком сильным — но такому мелкому существу как бука, этого вполне хватило.

— Что это, опоссум?! Какая гадость!

История могла бы на этом закончиться, если бы не одно важное обстоятельство. Заключалось оно в том, что буки — существа стайные. И стоило Анне шагнуть к окну, чтобы окончательно добить свернувшегося калачиком главаря бук — как дверца шкафа за ее спиной отворилась, и оттуда будто бы хлынул разномастный поток. Молодая мать и ахнуть не успела, как оказалась окружена плотным кольцом существ, словно сошедших со страниц детских страшилок.

— Нина, беги вниз, и к соседям! Я справлюсь!

Действительно, поначалу казалось, что у низкорослых бук нет никаких шансов против взрослой женщины. Но это только поначалу. Как только нападавшим удалось повалить Анну на пол, в удачный момент спугав ее щиколотки своими гибкими хвостами, преимущества роста и маневренности были потеряны.

— Раздеть ее! — надрывался седой бука, оправившийся после пинка, и принявший на себя роль командующего. — Раздеть, и защекотать!

Анна сопротивлялась как могла, но юркие существа брали числом и слаженностью действий. Буки висли на ее руках, наваливались всем скопом, ловко уворачивались от пинков.

Пижаменная рубашка продержалась недолго: стоило отлететь первой пуговице, как остальные тут же последовали за ней с тихим треском рвущихся ниток. Обнажилась упругая грудь с парой аккуратных сосков, плоский животик — плод фитнеса и йоги. Увы: ни йога, ни фитнес ничем не помогли Анне, когда одному из бук удалось прокрасться к ней сзади, и его

длинные руки с ловкими пальцами коснулись ее обнаженного тела. После этого дела у нападавших моментально пошли на лад.

— Нина, у тебя такая непослушная мама... и недалёковидная... щекотки боится, а мнит себя главной в доме... ну да ничего, сейчас воспитаем ее как следует, — воспрял духом главарь бук, но, обернувшись, обнаружил что Нины и след простыл. Это не особенно обеспокоило буку: он прекрасно знал, что засов на входной двери открывается слишком туго. Девочка могла спрятаться где-нибудь в доме, но седой был уверен, что без труда найдет сбежавшую дочку... что вы со мной делаете... — выдавила Анна. Было видно, что она пытается сопротивляться, но стоило буке пошевелить пальцами — как плечи хозяйки дома затряслись от беззвучного смеха. — Что, щекотно? — Нарочито удивился пегий бука, неторопливо опуская ладони вниз. На боках он задержался, ласково перебирая пальцами по ребрам с выражением скромной невинности на сморщенной морде. — Ай, как неловко вышло... защекотали защитницу Ниночки, сисечки ей связали, пяточки вылизали... Ты уж прости моего брата за бородавки на языке... но я же видел, ты перед ним от удовольствия стонала. Ну не артачься, лучше сознайся, моя маленькая...

Пользуясь тем, что заливающаяся звонким смехом женщина не могла ничего ответить, бука продолжал пытку под одобрительные возгласы товарищей. На улице стояло лето — жаркое и душное, с затянувшимися ночное небо облаками; горячий ветер с юго-востока не приносил облегчения. Обнаженное тело иступленно хохочущей пленницы быстро покрылось испариной; капельки пота медленно стекали по груди вниз, кожа влажно поблескивала в свете ночной лампы. Буки, почуяв скорую развязку, откровенно издевались над Анной.

— А голой-то ты мне мне больше нравишься...

— Посидишь перед нами босиком, посветишь голыми пятками — научишься манерам...

— Жаль, дочка твоя сбежала... нужно было при ней тебя защекотать, чтоб обеим была наука — как на нас руку поднимать...

— Привыкай, что руки связаны... про свободу теперь можешь забыть...

Точку в противостоянии седой бука поставил лично, придушив хозяйку дома до полубоморочного состояния своим длинным, облезлым хвостом. Ряды кукол, расставленных на детском комод, безучастно смотрели на то, как он с ухмылкой щекотал своей пленнице соски, наблюдая за тем, как нехватка воздуха гасит огонек сознания неудачливой соперницы. Бука считал легкое удушение одним из самых удобных способов демонстрации своей власти, обладавшим почти идеальным балансом между унижительностью процедуры, и ее эффективностью. Обмякшую женщину перетащили на ковер у постели Нины, и оставили приходить в себя, привязав ее руки к круглому набалдашнику на спинке кровати. Ноги ей распутали, но подняться на них она уже не могла. Тощий бука — обладатель длинного языка — юркнул в приоткрытую дверцу шкафа, вскоре вернувшись оттуда с запыленной коробочкой. Зажимы из странного, тускло-серебристого металла, извлеченные оттуда, надели беспомощной пленнице на соски. Тонкая цепочка, соединенная с отполированным до блеска камнем, похожим на агатово-черный жемчуг, обхватила талию Анны; сам камень удобно лег в ямку пупка. На ее щиколотки надели браслеты с маленькими бубенчиками, пальцы ног украсили парой тонких колец.

— Это сделает тебя более сговорчивой, — заметил главный бука, больше размышляя вслух, чем обращаясь к побежденной. — Ведь без мужика живешь, а этот металл... он непрост, ох как непрост. Слабачка вроде тебя просто не сможет выдержать его прикосновения к голому телу.

Судя по всему, он был прав: с Анной явно что-то происходило. Еще не придя в сознание окончательно, женщина тихо застонала. Все ее тело совершало движения, будто бы украшения бук были оковами, которые она тщетно пыталась сбросить, скользя босыми ногами по ковру и покачивая связанными грудями, налившимися желанием. Как только взгляд Анны обрел полностью осмысленное выражение, главарь бук встал перед ней. Остальные обвели их полукругом, наблюдая за процедурой.

— Ничего, что я тебя немножко придушил? Такая бойкая была, такая смелая... а стоило сиськи связать — так и притихла сразу. стыдно небось? — С этими словами седой бука постучал по зажимам, от чего те вдруг тихо загудели, вибрируя на сосках женщины. Было видно, что она изо всех сил пытается держать себя в руках — но ее воли было явно недостаточно. Когда жемчужина в ее пупке отозвалась на вибрации зажимов, Анна не выдержала.

— стыдно... пожалуйста, отпустите... ох... — женщина осеклась, тяжело дыша, пока бука оглаживал ладонью ее голый живот.

— А, значит уже не такая смелая? А может быть, ты никогда и не была той, кем себя считала? Взрослая, самостоятельная женщина... только вот почему у тебя соски стояли торчком, пока мы тебя раздевали? Признайся... тебе ведь было приятно, когда тебе связывали руки. По сильной руке истосковалась, сама небось давно мечтала в чьей-то власти оказаться, просто мужик подходящий не находился никак.

— Нет... нет, неправда, я никогда... что?!... Нет, умоляю, только не...

Но было поздно. Бука уже просунул руку под резинку пижамных штанов, и молодая мать тихо застонала от невольного наслаждения.

— Не смей мне врать, — заявил главарь бук, с удовлетворением отметив, что связанная женщина буквально текла. — Отвечай, нравится тебе?

— Да... — выдавила Анна, вызвав хихиканье в рядах наблюдателей.

— Проси прощения, — потребовал главный бука.

В обычных обстоятельствах, этот разговор проходил бы совсем не так. К сожалению для хозяйки дома, обстоятельства обычными не были. Буки, как и все остальные обитатели «тонких» сфер, были материальны лишь в той мере, какая требовалась для осязаемого пребывания в нашем мире. Ни в одном музее мира нет чучела буки — и не потому, что буки бессмертны, а потому что их тела представляют собой клубок спутанных причинно-пространственных связей, нейтронно-протонных пар, которые попросту перестают существовать в нашем мире, как только бука возвращается в свою сферу, или погибает в нашей. В этом заключается тонкая ирония вселенной: земные физики продвинулись бы в исследованиях куда дальше, если бы искали темную материю не на просторах между галактиками, а в шкафах детских спален.

Инстинктивно ощущая эмоциональные слабости Анны, буки делали все, чтобы сломить женщину морально, заставив ее душу напивать их плотным потоком сильных эмоций. В случае с Анной, это был напор нереализованной сексуальной энергии, окрашенный эмоцией стыда. Как правило, буки не связывались со взрослыми: питаться детским страхом было куда безопаснее, а традиционно-пренебрежительное отношение взрослых к детским жалобам, выходящим за рамки их стереотипного восприятия, позволяло расе бук действовать практически незаметно в течении целых поколений, оставаясь для большинства людей просто очередной страшной сказкой.

Тем не менее, из этого правила случались и исключения. Мать Нины — не первая, и не последняя женщина, которая невольно открыла для себя реальность существования бук, и оказалась совершенно не готова к последствиям. Стая бук, пошедшая на известный риск, и заполучившая в свои руки взрослую пленницу, обеспечивала себя эмоциональной пищей на долгие годы — однако здесь были свои трудности. Физическое превосходство было лишь началом. Подавить женщину эмоционально, сломить ее — трудная и долгая задача, и потому ювелиры бук создали особые драгоценности. Драгоценности, которые были способны влиять на то, в чем буки, раса-паразит, разбирались лучше всего — на человеческие эмоции.

Зажимы, браслеты, цепочки и кольца были тем, что инженер назвал бы системой фильтров и усилителей. Сознание побежденной не было готово к эмоциям такой силы и интенсивности, и старый бука умело использовал ее беспомощность для того, чтобы заложить надежный фундамент будущего контроля.

— Не хочешь, значит? Своевольная? Ну, как знаешь, — скучающим тоном заявил главный, нащупав клитор Анны и принявшись быстро натирать его умелыми, короткими движениями. Один из бук, вскарабкавшись на диван, зажал стонущей женщине рот ладонью; его собратья подсели поближе к ее босым ногам, и принялись массировать усталые ступни, то и дело посасывая Анне пальцы. Они ничего не знали о фут-фетишизме, но инстинкт безошибочно подсказывал им, как заставить пленницу испытывать максимум эмоций.

Уловив момент, когда принудительная ласка довела Анну до грани, седой бука подхватил свободно свисавшую с жемчужины тонкую цепочку, и спустил ее за резинку пижамных штанов. Это был излюбленный прием главара: колдовской металл пришел в движение, и моментально опутал клитор пленницы.

— Это не даст тебе кончить, пока мои ребята будут щекотать тебя. Потом, когда твое сознание станет мягким и податливым... это будет перед рассветом, примерно через шесть часов, — бука захихикал, глядя на часы с желтой собакой, которая теперь выглядела совсем невесело. — Перед рассветом тебя отведут в наше маленькое царство по ту сторону шкафа, где ты, при всех, встанешь передо мной на колени, и будешь умолять меня о прощении. Повинуясь его жесту, буки обступили пленницу. Владелец длинных пальцев разминал суставы.

— А потом, рабыня... потом, при условии искренности твоего раскаяния, мы уложим тебя на ковер из мхов, и я тебя возьму так, как должно брать рабыню. Так начнется твое усмирение. Если же я услышу в твоём голосе хоть намек на дерзость...

— То мы тебя отведем к теплому источнику, снова свяжем, и будем очень медленно намазывать твои пяточки и клитор, то и дело потягивая за цепочку, — вкрадчиво продолжил пегий бука, принявшись щекотать Анне ребра, мокро поблескивающие от пота. — О да, тебе это понравится, моя маленькая. Ты даже не представляешь, насколько мучительным может быть оргазм в этих украшениях.

Комнату заполнил звонкий смех, в который то и дело вплетались стоны и жалобный звон бубенчиков. Удовлетворенный ходом пытки, главный бука потер опаленное ухо. Убедившись в том, что кукла-фея беспомощным комком валяется у кровати, он вперевалку зашагал к двери, уладить последнее на сегодняшнюю ночь дельце.

В доме было темно: если коридор второго этажа кое-как освещал свет, пробивающийся из спальни Анны, то первый этаж был целиком и полностью погружен во тьму. Громко приносиваясь, бука зашлепал по ступеням вниз. Его глаза начали светиться, будто две болотные гнилушки: бука, прекрасно ориентирующийся в крошечном мраке, лучше видеть

от этого не стал, но оправданно рассчитывал на то, что девчонке так будет страшнее.

— Нина... где же ты, Ниночка?

Отрастив себе длинные когти, бука провел рукой по деревянной панели коридора, оставляя на ней неглубокие бороздки. Мучения Анны напитали его; он стал гораздо сильнее, чем был в начале этого рокового вечера.

— Выходи-ка сюда... твоя мама тебе больше не поможет, даже не надейся. Но ты не бойся, мы не станем поступать с тобой так, как поступили с ней. Тебя мы просто съедим.

Он пошел в гостиную, четко ощущая эмоции девочки совсем рядом, буквально в паре шагов... как вдруг замер, озадаченно оглядываясь. Страх девочки исчез — растворился мгновенно, как будто бы его никогда и не было. Вместо него возникло нечто иное. То, что буке совсем не понравилось. Это была глубокая, неестественно сильная для маленького детского тела злоба, подернутая тонкой пленкой торжества. Седой главварь развернулся почти мгновенно — но существо, стоящее у него за спиной, было к этому готово. Когти буки со свистом прорезали воздух, встретив на своем пути пустоту. Жало того создания, которое бука принял за человеческую девочку, успело нанести удар трижды, поразив все основные нервные центры буки. Мохнатая туша шлепнулась на паркет, сотрясаясь в мелких конвульсиях.

— Я обожаю бук за то, что они тупые, — заявил мимик, на глазах меняя свою форму.

Несколько секунд — и он уже ничем не напоминал Нину, постепенно приобретая черты предводителя бук. — Вы вечно лезете в этот мир через свои червоточины, и ведете себя так, будто кроме вас и людей здесь больше никто не живет.

Седой главварь дико вращал глазами. Его горло постепенно наполнялось плотной пеной, отдельные участки мозга уже отказывали — яд действовал очень быстро. Мимик подошел поближе, и резким ударом ввел острие своего пищевода в брюшину буки. Ситуация заставляла его есть быстро: не прошло и четырех минут, как от жертвы осталось только темное пятно копоти на паркете. Но мимик не унывал: он знал, что отныне обеспечен пищей надолго. Будут и другие обеды: неторопливые, размеренные. В паутину лабиринтов бук, их царство, было трудно попасть — но только потому, что буки, как правило, держались всей стаей вместе, и не покидали пределов детской комнаты.

Новоиспеченный предводитель бук почесался за ухом, открыл засов на входной двери, чтобы создать видимость побега Нины, и затрусил по ступенькам к своей стае.